

Соколова Марина Валерьевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА "СТРАХ" В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящается анализу эмоционального концепта "страх" на материале фразеологии марийского языка. Исследование проводится в рамках лингвокультурологического подхода. В работе характеризуются этнически обусловленные представления о страхе, которые реализуются в языке. В статье также рассматриваются лингвистические обозначения черт характера человека, связанных со страхом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 189-191. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.511.151

Филологические науки

Статья посвящается анализу эмоционального концепта «страх» на материале фразеологии марийского языка. Исследование проводится в рамках лингвокультурологического подхода. В работе характеризуются этнически обусловленные представления о страхе, которые реализуются в языке. В статье также рассматриваются лингвистические обозначения черт характера человека, связанных со страхом.

Ключевые слова и фразы: фразеология; фразеологическая единица; контекст; эмоциональный концепт; лингвокультурология.

Соколова Марина Валерьевна

Марийский государственный университет
marinuk.sokolova@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «СТРАХ» В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ®

Цель данной статьи – характеристика способов реализации эмоционального концепта «страх» (лудмаш) фразеологическими средствами марийского языка. Под термином «концепт» в лингвокультурологии обобщаются ментальные преобразования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [3, с. 24].

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы (ФЕ), отобранные из художественных произведений марийских писателей [6; 8; 10] и лексикографических источников [1; 4; 5].

По мнению психологов, эмоциональное состояние страха отражает защитную биологическую реакцию человека при переживании реальной или мнимой опасности для здоровья и благополучия [2, с. 163]. Объективация исследуемого концепта происходит с помощью широкого набора языковых средств, но национальные стереотипы особенно ярко отражаются во фразеологических средствах языка.

Реализация смыслового содержания концепта «страх» в языке обуславливается такими характеристиками, как *протяженность во времени, интенсивность переживаемого страха*, что в последующем влияет на качественные особенности испытываемых эмоций как психологических явлений. Принимая во внимание данные критерии, проанализированный материал позволяет описать характерные особенности испытываемой эмоции, вербализованной в марийском языке.

Одной из причин появления страха является *внезапность*, которая проявляется в форме оцепенения, панического бегства или беспорядочного мышечного возбуждения и представляет собой кратковременное состояние (испуг) [Там же, с. 168]. Данное переживание описывается фразеологизмами, называющими физическую реакцию тела на страх: *могыр коваште копыж чучеш, могыр шергылтеш* («мурашки бегают по коже»), *йылме йомын* («язык не поворачивается»), *могырлан йуштын-шокшын чучеш* («бросает то в холд, то в жар»), *йп копыж шогалеш, йп кожге (копыж) кўза* («волосы встают дыбом»).

Спасение бегством выражается такими ФЕ, как *лап возын (куржаи)* («бежать) сломя голову»), *тупым ончыктаиш* («показать спину»), *йолтаганым ончыктаиш* («показать пятки»), *шики-пурак чымалтаиш (шикшалтаиш)* («удалиться (умчаться) так, что только дым-пыль столбом стоит»).

Непосредственно не наблюдаемое сильное переживание страха описывается ФЕ, которые характеризуют реакцию «души» на страх: *чон йолтаганыш вола* («душа уходит в пятки»), *чон лекшаиш гай* («как будто душа выходит»), *чонлан йуштын-шокшын (изин-кугун, ныгге-нюго; кўчымын) чучеш* («на душе холод и жар (не по себе; сыро)»), *чонлан (шўмлан) руш чучеш* («душа (сердце) обрывается») и т.д.

Количественно преобладающей ФЕ, содержащей указание на различную степень проявления страха, был определен фразеологизм с компонентом-зоонимом – *лудшй меран*. Его использование в произведениях художественной литературы составляет 18,6% (из 200 выделенных фразеологизмов). Указанный фразеологизм используется:

- при описании страха сильной интенсивности, не допускающего самоконтроля;
- для обозначения страха, вызванного отдаленными во времени и пространстве причинами;
- с целью указания на продолжительное переживание страха или оценки черты характера (трусости);
- для выражения сарказма с целью оценки говорящим своего собеседника, выказывающего признаки страха.

Этот же фразеологизм широко употребляется и для обозначения трусливого человека. Он называет человека, испытывающего мимолетную реакцию страха или находящегося в таком состоянии постоянно. Оценка характера такого человека другими людьми предполагает формулировку этого качества как трусости.

Представление о трусливом человеке универсально во многих лингвокультурах. В русском языке «трус» определяется как человек, легко поддающийся чувству страха [7, с. 814]. Материал марийского языка позволяет выявить случаи, которые характеризуют труса в марийском социуме. Трусость может быть приписана:

- вору и мошеннику (*Вор йумылжй дечат лудеш* – «Вор и своей тени боится» [5, с. 35]);

- крайне нерешительному, двойственному человеку (*Очи кыдач пижше меран гай лийын, ушыжо ик могырыш да вес могырыш кусна* – «Очи, как заяц, попавший в капкан, ее мысли бегают туда-сюда» (Н. Лекайн) [1, с. 128]);

- хвостуну (*Мутшо дене маска дечат огеш лүд, чодыраште меран дечат орткына* – «На словах и медведя не боится, а в лесу и зайца пугается» [5, с. 181]).

Трусливые люди, будучи неспособными совершать смелые поступки, провоцируют других на проявление страха [9, с. 306]. Анализ ФЕ марийского языка позволяет установить, что трусу свойственно преувеличивать свои страхи и проблемы (*Лүдыктымө меран ужсава дечат лүдеш* – «Напуганный заяц и лягушки боится» [5, с. 164]) и навязывать свой страх другим (*Лүдиш пөрткайык молымат лүдыкта* – «Трусливый воробей и других напугает» [4, с. 70]). Такой человек может также скрывать свою трусость:

- мнимой правдивостью (*Шояк ең чын деч лүдеш* – «Лживый человек правды боится» [Там же, с. 92]);
- проявлением агрессии и жестокости (*Лүдиш тий кугун опта* – «Трусливая собака громко лает» [5, с. 164]);
- высокомерием и тщеславием (*Чыве лүдыктышат «начальник улам», манеш* – «И огородное пугало говорит: “Я – начальник”» [4, с. 92]).

Анализ контекстуального использования ФЕ *лүдиш меран* («трусливый заяц») способствует выявлению действий и реакций труса в состоянии страха с помощью глагольных ФЕ с компонентами-зоонимами (*коля рожыш пура ыле* – «провалился бы в мышиную нору» (в значении «провалиться сквозь землю»), *шорык поч гай чытырен шовет* – «дрожишь, как овечий хвост», *меран почла чытыра* – «дрожит, как заячий хвост», *меран гай лүдынат* – «испугался, как заяц»), которые выступают в качестве «симптомных» единиц страха и позволяют описать непосредственно наблюдаемое переживание этого состояния. Использование говорящим фразеологизма *лүдиш меран* («трусливый заяц») с целью оценки собеседника обусловлено переживанием эмоций наибольшей интенсивности.

В рассмотренных выше примерах фразеологизмы имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Однако в марийских поговорах и поговорках одной из граней образа идеального в нравственном отношении человека является скромность, ассоциируемая со страхом (*Изим пагале, кугу деч лүд* – «Уважай младшего, бойся старшего» [5, с. 68]). Из этого следует, что национальное представление о страхе, сопоставимое со стеснительностью и робостью, при неправильной интерпретации представителями других культур может восприниматься как скрытность, недоверие к другим людям, трусость.

Фразеологический фонд марийского языка также раскрывает такие представления о страхе, как:

- 1) боязливость и нерешительность, не дающие человеку развиваться и успешно работать: *Кө пөрткайык деч лүдеш, тудо тарым ок үдө* – «Кто боится воробья, тот не сеет просо» [4, с. 70];

- 2) боязнь разорения, обеднения: *Ұдыр кайыме годым помыланат ортшө лектеш* – «Когда девушка выходит замуж, и помело сильно пугается» [5, с. 262] (в данном примере нашла отражение традиция, когда девушка, выйдя замуж, забирала с собой часть одежды, утвари, скотины в качестве приданого);

- 3) страх смерти, потери жизненного благополучия: *Мыняр күйкө күзет, волен возаш тунар лүдыкшө* – «Чем выше поднимаешься, тем страшнее падать» [Там же, с. 184];

- 4) наличие богатства и влиятельных родственников, позволяющее не беспокоиться за свое благополучие: *Поянлык лийже да родет төра лийже, тунам ниго деч лүдаш* – «Если будет богатство и родственник будет начальником, тогда нечего бояться» [4, с. 70];

- 5) робкий характер, не позволяющий человеку добиться успеха в жизни: *Лүдын-вожыл ылышым чыват тошкен кая* – «Боязливо-робкого и курица перешагнет» [5, с. 164].

Проанализированный материал позволяет сделать некоторые выводы о реализации концепта «страх» (*лүдмаш*) в марийском языке. Эмоция страха проявляется как защитная биологическая реакция человека. Переживание страха характеризуется интенсивностью, протяженностью во времени и качественными показателями, которые отражаются в речи. Вербализация эмоционального концепта *лүдмаш*, осуществляемая с помощью фразеологических средств марийского языка, отражает национально обусловленные понятия, связанные с проявлением страха.

Изучение лингвокультурных концептов, отражающихся в языке, способствует реконструкции национального менталитета этноса, пониманию культуры и успешным взаимоотношениям с представителями других народов.

Список литературы

1. Грачева Ф. Т. Марий фразеологий мутер. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1989. 328 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2007. 783 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
4. Китиков А. Е. Калыкмут. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1981. 120 с.
5. Китиков А. Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. 336 с.
6. Лекайн Н. Кугезе мланде. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. Т. 1. 592 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
8. Фадеев И. Онго // Ончыко. 2012. № 12. С. 103-144.
9. Щербатых Ю. В. Психология страха. М.: Изд-во «Эксмо», 2003. 512 с.
10. Юксерн В. Күсле. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1978. 224 с.

REPRESENTATION OF EMOTIONAL CONCEPT "FEAR" IN THE MARI LANGUAGE

Sokolova Marina Valer'evna
Mari State University
marinuk.sokolova@yandex.ru

The author analyzes of the emotional concept "fear" by the material of the Mari language phraseology, conducts the research within the framework of linguistic-cultural approach, describes the ethnically conditioned notions of fear, which are implemented in the language, and also considers the linguistic designations of character traits associated with fear.

Key words and phrases: phraseology; phraseological unit; context; emotional concept; linguo-culturology.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются лексические и синтаксические средства выражения речевого жанра «совет», анализируются термины «план выражения», «побудительность», «модальность». На примере текстовых фрагментов, содержащих совет, показана роль побудительных и сложноподчиненных предложений при воплощении данного речевого жанра. Автор статьи акцентирует особое внимание на модальных глаголах как средствах выражения совета и на глаголах со значением «советовать», которые отражают различные аспекты данного речевого жанра – от простого наставления до высказывания с оттенком предостережения.

Ключевые слова и фразы: речевой жанр; план выражения; структура; средства выражения; побудительность; модальность.

Соловьева Анна Александровна, к. филол. н.
Астраханский государственный университет
anna1april1981@rambler.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «СОВЕТ»
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

«Совет представляет собой высказанное кому-либо мнение по поводу того, что следует делать в определенной ситуации, и является директивным речевым жанром, направленным на то, чтобы убедить адресата в целесообразности совершения определенного действия» [3, с. 93].

Особое место в структуре совета занимает план выражения. По мнению И. П. Сусова, «план выражения высказывания представлен фонологической структурой, а в письменной речи – графической структурой. Между планом выражения и планом содержания располагается лексико-грамматическая структура. Эту структуру, обеспечивающую кодирование и декодирование смысла, можно рассматривать как трансляционный план высказывания» [5, с. 7]. На основании проанализированных примеров представляется возможным выделить следующие средства выражения совета в современном английском языке:

1. Побудительное предложение: а) с императивом в утвердительной форме, б) с императивом в отрицательной форме.

2. Повествовательное предложение:

а) с модальными глаголами *should, ought to, must, have to, can (could), may (might)* в утвердительной и отрицательной формах; б) с модальными глаголами + глаголы *think, believe, suppose* и т.п.; в) с глаголами, имеющими значение «советовать», а именно *advise, recommend, suggest*; г) с конструкцией *you'd better (it would be better) / you'd rather*; д) с придаточным предложением условия с союзом *if*.

3. Вопросительно-отрицательное предложение с конструкцией *why not? (why don't you? и т.п.)*.

Для совета, выраженного побудительным предложением, характерно использование форм повелительного наклонения. А. Вежбицка отмечает, что парадоксальность совета заключается в том, что хотя «советуя кому-то сделать что-то, мы не говорим ему, что мы хотим, чтобы он это сделал, мы, тем не менее, употребляем (или можем употребить) повелительную форму. Одно из возможных объяснений состоит в том, что, давая совет, мы воображаем себя на месте другого лица, и, таким образом, мыслим наш совет как воображаемое решение или приказ, отдаваемый самим себе» [1, с. 268].

По мнению Е. В. Сидорова, «побудительность в широком смысле – это свойство высказываний любых типов, поскольку по своей коммуникативной природе любое высказывание есть знаковое средство побуждения к коммуникативной деятельности нужного отправителю типа. Побудительность же в узком смысле, «грамматическая побудительность», придается высказыванию с тем, чтобы адресат, владеющий способностью